

О ВЕЧНО ЖИВОМ

(К 90-летию со дня рождения великого артиста)

«Учитесь у самого прекрасного, что существует во Вселенной — учитесь у жизни».
В. И. КАЧАЛОВ.

□ □

принять все это, следовало не только отказаться от уже накопленного актерского опыта, но и коренным образом внутренне, духовно перестроиться. Это произошло не сразу.

«Чужие друг другу, говорим на разных языках», — с грустью сказал К. С. Станиславский после первого закрытого дебюта Качалова в ролях Грозного и Годунова. Это был приговор. Но молодой артист не отступил. Он упорно ходил на репетиции «Снегурочки» Островского, смотрел, наблюдал, а когда спустя два месяца Станиславский предложил ему пробу в роли Берендея, произошло событие, ставшее знаменитым в истории Художественного театра — Станиславский

заглавную роль, был абсолютно неприемлем замысел режиссера, отвлеченно трактовавшего Гамлета как некое «воплощение высокого духа». Крэг по существу хотел превратить актера в марионетку, действующую по его указке. «Слишком умный, слишком думающий», — возмущался режиссер. А Качалов, вопреки всему, создал свой живой, реалистический образ. Его «зерно» — протест против попрания и оскорбления человеческого достоинства. Где-то за «Данней-тюрьмой» ощущался образ другой тюрьмы — царской России.

И это не случайно. Передовой человек своего времени, Качалов не был революционером в полном смысле этого слова. Но его связь с революционным движением несомненна. Интересна история его знакомства с Н. Э. Бауманом. Знаменитый революционер неоднократно скрывался от шпионов в надежной квартире знаменитого артиста. О Баумане Василий Иванович часто рассказывал как об одном «... из самых светлых и чистых людей, промелькнувших в моей долгой и богатой встрече жизни».

Великую Октябрьскую революцию Качалов принял безоговорочно. К этому он был подготовлен всем строем своего гуманистического и революционного в своей основе мышления. И стал подлинно советским актером. Он сумел переосмыслить окружающую действительность, увидеть в ней новое, небывалое, по-иному всмотреться в старое и многое изменить в трактовке давно уже созданных образов. Его актерская палитра расширилась, в ней появились краски, ранее ей не свойственные.

Качалов, всегда умевший защищать, сумел стать грозным обвинителем. Первая сыгранная им после революции новая роль была роль царя в пьесе Р. Кугеля «Николай I». В этой, далеко не блестящей пьесе артист сумел создать потрясающий образ, сила которого в удивительно точной идеологической оценке личности царя-провокатора, беспощадного палача и лицемера.

Значительно позднее, в образе Захара Бардина («Враги» А. М. Горького), Качалов подвергнул уничтожающему разоблачению другой вид лицемерия — российский дореволюционный либерализм.

Одним из значительнейших этапов в истории развития советского театра считается спектакль «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, поставленный МХАТом к десятилетию Советской власти. Качалов по собственной инициативе взялся за

работу над героическим образом вождя сибирских партизан, крестьянина Никиты Вершинина. В такой роли его никто не мог себе представить — Качалов был актер совершенно иного плана. Он не знал ни крестьянской среды, ни таежного Дальнего Востока, но актер-патриот увлекала новая для него гражданская тема, тема великого подвига народа. Из этого трудного испытания он вышел победителем. «Правда» оценила спектакль как большой шаг вперед, как первую, по-настоящему революционную постановку МХАТа. О качаловском Вершинине писали, что он «...и вождь, и такой же рядовой мужик, тесно связанный со всей массой».

Одна из самых замечательных работ Качалова — созданная им роль «от автора» в спектакле «Воскресение» по роману Л. Толстого. Это было лицо, не просто комментирующее события, а активно вмешивающееся во весь ход спектакля. Театр обнажал непримиримые противоречия в творчестве Толстого, во многом с ним полемизировал. В роли «от автора» у Качалова соединялась глубокая человечность с огромной силой гневного сатирического разоблачения прогнившего старого мира.

В 1938 году, в дни сорокалетнего юбилея МХАТа, Качалов играл Чацкого. Ему было шестьдесят три года. Роль, к которой он неоднократно возвращался, прозвучала свежо, молодо и по-новому. Он играл Чацкого-патриота. Любовь к родине стала стержневой осью образа.

Подлинный мастер художественного слова много сил отдал Качалов концертной эстраде. Его репертуар, казалось, неисчерпаем: поэзия, проза, сцены из спектаклей. Он одним из первых артистов сумел оценить и понять революционную патетику стихов Маяковского. И сейчас еще мы нередко слышим по радио неповторимый голос Качалова-чтеца и наслаждаемся необычайной проникновенностью его исполнения. Скончался артист 30 сентября 1948 года.

Казанцы глубоко чтят память великого советского артиста. Его имя присвоено старейшему театру нашего города — Большому драматическому. Это обязывает. Театр, на знамени которого начертано имя Качалова, не может не хранить, как завет, качаловское понимание высоких задач советского актера. Василий Иванович призывал «...видеть цель творчества только в большой и смелой правде о жизни, создавать искусство, которое помогает народу осуществлять грандиозные исторические задачи».

Е. ЗОЛОТАРЕВ.
Театровед.

Я ВСПОМИНАЮ КАЧАЛОВА—ЧЕЛОВЕКА

Бывают встречи, которые на всю жизнь остаются в памяти. Мы подчас проходим мимо ярких, неповторимых людей и только много лет спустя говорим: «Вот был человек!»

Я вспоминаю Качалова-человека. В нем была какая-то детская непосредственность и при этом неотразимое обаяние художника. А. Н. Островский в образе Счастливецца говорил: «Что должно быть у артиста? Огонь в глазах, музыка в разговоре и красота в движении!» Все это было у Качалова.

Помню, он приехал в Горький на концерт. Шел, кажется, 1927 год. Меня, молодого артиста, попросили быть ведущим. Я объявил. Василий Иванович стал читать сцену из трагедии «Иван Грозный». Публика как-то холодно приняла его. Он ушел со сцены растерянный и говорит мне:

— Что это такое? Не понимаю...
— Может, посмешнее им надо... — заметил я.

Качалов снова вышел к рампе и начал рассказывать сказку. Это было весело и интересно. Он вернулся за кулисы, шепнул: — Спасибо вам! — Потом читал снова и снова. Зал замирал, затем аплодировал — бурно, неистово.

В другой раз к Качалову обратился за консультацией наш земляк, выдающийся певец М. Д. Михайлов. «Вам надо научиться двум вещам — выходить на сцену и уходить», — сказал Качалов. — Только, прошу вас, не кланяйтесь, как в церкви».

Качалов был чтец железной логики.

В историю вошло чтение его в «Воскресении». Я видел Качалова — Вершинина и был изумлен, что это тот самый, что играл Барона.

Качалов учит нас неустанной актерской работе над образом, большому вниманию к слову, мысли, движению.

Н. ЯКУШЕНКО.
Народный артист СССР.

ВАСИЛИЙ Иванович Качалов (настоящая фамилия Шверубович) родился в Вильнюсе 12 февраля 1875 года. В гимназические годы он страстно увлекался театром, выступал в любительских спектаклях, поражая необычайной яркостью своего дарования. В восемнадцать лет поступил в Петербургский университет. Участвовал в студенческом театральном кружке, которым руководил большой артист и театральный педагог В. Н. Давыдов. Роль Несчастливцева в «Лесе» А. Н. Островского принесла Качалову крупную удачу. Почти все петербургские газеты отметили редкий талант двадцатилетнего студента.

Вскоре Качалов был принят в Суворинский театр, но там работа не принесла удовлетворения, и он, решив уехать, как говорили тогда, в «провинцию», вступил в труппу «Казанско-Саратовского товарищества актеров».

— Казанский драматический театр был на вершине своей славы, — вспоминает академик А. Е. Арбузов. — В 1897 году я был студентом второго курса и страстно увлекался театром. Здесь я увидел Василия Ивановича Качалова. Когда из глубины сцены раздавался голос еще не известного артиста, в театре произошло что-то небывалое. Весь зрительный зал насторожился и затаил дыхание. Это впервые прозвучал голос Качалова.

В Казани и Саратове Качалов сыграл кажущееся сейчас невероятным количество ролей, вначале очень маленьких, а затем и больших, ведущих. Поражает их разнообразие: Митя — «Бедность не порок» и Дудукин — «Без вины виноватые», Лаэрт в «Гамлете» и профессор Серебряков — «Дядя Ваня».

Наибольшая творческая удача этого периода — роль Кассия в «Юлии Цезаре» Шекспира. «Худое, с острыми чертами, взаправду римское лицо. Спокойные и верные жесты, уверенная и в то же время верная декламация, без всякого крика. А главное — настоящее слияние с ролью», — писал тогдашний казанский критик П. П. Перцов.

Успех и любовь зрителей, особенно студенческой молодежи, быстро пришли к Качалову. Но два года работы в Казани были только коротким эпизодом его творческой биографии. В начале 1900 года Василий Иванович, после некоторых колебаний принял предложение перейти в Московский художественный театр.

Основанный в 1898 году К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко, этот театр за два года своего существования возбудил огромный общественный интерес. Эстетические и этические принципы, разработанные его основоположниками, разительно отличались от принципов и практики не только провинциальных, но и столичных театров. Здесь все было новым, необычным. Для того, чтобы органически вос-

принял Качалова и взволнованно проговорил: «Это чудо! Вы наш! Вы все поняли! Поняли самое главное, самую суть нашего театра».

Так родился новый актер, которому суждено было стать властителем дум передовой, демократической интеллигенции дооктябрьского периода и всенародно признанным, любимейшим мастером советского театра.

Когда говорят о Качалове, обычно вспоминают его действительно поразительный, гибкий, прекрасный по тембру голос, способный передавать сложнейшую гамму человеческих чувств; говорят о его редкой пластичности, о благородстве всего, гармонически совершенного, облика артиста, о неотразимости его актерского обаяния. И часто забывают о самом главном: Качалов стал великим художником не в силу той редкой совокупности внешних данных, которыми так щедро наградила его природа, а благодаря своему качеству актера-мыслителя, актера — общественного трибуна.

Он близок по духу к таким гигантам, как Чехов и Горький, с ними был тесно связан с первых же шагов на сцене художественного театра. Качалову самому свойственна чеховская оптимистическая вера в светлое будущее. Образ Тузенбаха («Три сестры» А. П. Чехова) — лучшее достижение Качалова раннего периода. В очень простой, почти будничной форме актер произносил: «Пришло время, надвигается на нас громада, готовится здоровая, сильная буря»; но именно такая простота делала эти пророческие слова особенно убедительными.

Петя Трофимов («Вишневый сад»). Зрители любили этого вечного студента, некрасивого, в старой тужурке, никелевых очках, с редкой бородкой — «облезлого барина», искавшего высший смысл жизни, верившего, что «Вся Россия — наш сад».

18 декабря 1902 года состоялась, ставшая крупным общественным событием тех лет, премьера «На дне». Качалов — в роли Барона. А. М. Горький говорил: «Это гораздо больше, чем я написал. Я об этом и не мечтал». Качалов раскрыл образ с позиций революционного гуманизма, отрицания страшной российской действительности, убежденности в том, что так больше жить нельзя. Барона Качалов играл всю жизнь, постоянно обогащая образ новыми, тончайшими деталями. В последний раз он выступал в этой роли 24 ноября 1946 года.

Творчество Качалова глубоко реалистично. Модные декадентски-формалистические течения были ему органически чужды. В сезоне 1911—12 года известный английский режиссер Гордон Крэг, по приглашению К. С. Станиславского ставил в художественном театре «Гамлета» в условно символическом плане. Для В. И. Качалова, игравшего